

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.026
УДК 94(39)(093) + 903.26 + 82'01

Е. В. Стельник
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

ОТ ИДЕОЛОГИИ К МЕТОДОЛОГИИ: ТЕРМИН «ОБОЛ ХАРОНА» В СОВРЕМЕННОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается парадоксальная ситуация, связанная с использованием термина «обол Харона» в современном археологическом дискурсе. Термин «обол Харона» превратился в негласное нормативное историографическое правило, в «бесспорную» объяснительную модель. При этом сам, по существу, «пустой» термин не нуждается в аргументации, являясь очевидностью, вытекающей из самой «естественной» логики археологического исследования. Археологический дискурс превращает находку «обола Харона» в «закономерную» неизбежность. Практически любая монета (любого материала и достоинства) античного и раннесредневекового времени, найденная в Европе, Скандинавии, на Переднем Востоке или в Центральной Азии, привычно объявляется исследователями «оболом Харона». Поразительно, что чем более удален регион от древнегреческих полисов, тем скорее археологи находят там монеты, как считается, «посвященные» Харону. Более того, сам Харон превратился в историографии в однозначный символ не только древнегреческой книжной мифологии, но и всей древнегреческой культуры. Парадокс ситуации заключается в том, что Харон, представления исследователей о котором составляют содержание термина, не нуждался в монетах, а «древнегреческий похоронный обряд», к которому апеллируют авторы как к образцу «платы Харону», не предполагал никаких выплат Харону. Термин оказывается результатом не критичного чтения античной классической литературы, когда условности текста удобно замещают историческую реальность. «Филологическая археология» легко конструирует из свидетельств античных письменных источников необходимые для своей «научной» картины мира парадигмы, понятия и термины. Термин «обол Харона» не может быть наполнен содержанием, а является искусственной идеологической конструкцией, связанной с исследовательской традицией, опирающейся на идеи европейского романтизма (концепции И. И. Винкельмана и И. В. Гете).

К л ю ч е в ы е с л о в а: обол Харона; археология; классическая античная литература; методология, идеология

Ц и т и р о в а н и е: Стельник Е. В. От идеологии к методологии: термин «обол Харона» в современном археологическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 75–85. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.026>

*Поступила в редакцию: 21.07.2019
Принята к печати: 25.03.2021*

Evgeny V. Stelnik*Volgograd State University
Volgograd, Russia*

**FROM IDEOLOGY TO METHODOLOGY:
THE TERM “CHARON’S OBOL”
IN MODERN ARCHAEOLOGICAL DISCOURSE**

This article deals with the paradoxical situation associated with the use of the term “Charon’s obol” in modern archaeological discourse. The term “Charon’s obol” turned into an unspoken normative historiographical rule and an “indisputable” explanatory model. At the same time, the term itself is essentially “empty”, and does not need to be argued, being the evidence arising from the “natural” logic of archaeological research. Archaeological discourse turns the discovery of “Charon’s obol” into a “natural” inevitability. Almost any coin (of any material and value) of ancient and early Middle Ages found in Europe, Scandinavia, the Far East, or Central Asia, is usually declared “Charon’s obol” by researchers. Surprisingly, the further the region is located from the ancient Greek poleis, the more coins dedicated to Charon archaeologists find. Moreover, in historiography, Charon has become an unambiguous symbol not only of ancient Greek book mythology, but also of the entire ancient Greek culture. The paradox of the situation is that Charon, the ideas of the researchers about whom constitute the content of the term, did not need coins, and the “ancient Greek funeral rite” which the authors appeal to as a model of “payment to Charon” did not imply any payments to Charon. The term is a result of uncritical reading of ancient classical literature. The term “Charon’s obol” cannot be filled with content, but is an artificial ideological construction related to the research tradition based on the ideas of European Romanticism (concepts of I. I. Winkelman and I. V. Goethe).

Key words: Charon’s obol; archaeology; classical ancient literature; methodology; ideology

For citation: Stelnik, E. V. (2021). Ot ideologii k metodologii: termin “obol Kharona” v sovremennom arkheologicheskom diskurse [From Ideology to Methodology: The Term “Charon’s Obol” in Modern Archaeological Discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 75–85. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.026>

*Submitted: 21.07.2019**Accepted: 25.03.2021*

В современном археологическом дискурсе термин «обол Харона» приобрел чрезмерный характер. Исследователи просто «обречены» постоянно находить «обол Харона» в Северном и Восточном Причерноморье, Кавказской Албании, на Северном Кавказе, в Персии, Согдиане и Бактрии, в Средней Азии, в китайском Туркестане, на Ближнем Востоке, на Руси, в Южной Скандинавии, в Северной Европе, в Западной Сибири, у средних сарматов, у остроготов, у франков, у кельтов, у аваров, в Золотой Орде.

Любая монета, найденная во рту (на глазах или в руке), в погребении любого региона и культуры античного или раннесредневекового времени, автоматически, без какой-либо аргументации, становится «оболом Харона» [De Schutter, p. 56; Завойкин, с. 175].

«Обол Харона» — это само собой разумеющаяся очевидность. Термин не нуждается в обосновании¹, но сам по себе является объяснительной моделью.

По словам Б. Ш. Шмонеvского, «обол Харона» — не что иное, как «транскультурный феномен» [Шмонеvский, с. 266]. Универсальность оказывается главным свойством этого термина. Побочный эффект этой универсальности — это превращение Харона, о котором Цицерон не мог сказать ничего определенного [Сисеро, р. 326], в сверхбожество античного мира, перед которым меркнут Зевс и Юпитер.

Сомнения относительно универсальности монеты возникают у специалистов только с появлением христианского контекста, но и эти сомнения также строятся на допущении, что монета — это элемент исключительно эллинистической, т. е. языческой картины мира. Редкая критика термина [Sartori, S. 205; Литвинский, с. 117; Мызгин, с. 30] археологическим сообществом игнорируется. Любая попытка рассмотреть образ Харона заканчивается на предсказуемо отобранных свидетельствах «великой греческой литературы» [Сударев, Болдырев, с. 435; Зубарь, 2005, с. 127; Калашник, с. 90], которые должны однозначно объяснить наличие в погребении монеты.

Использование термина «обол Харона» в археологическом дискурсе стало важным историографическим правилом. Стереотипы археологической историографии делают находку «оболы Харона» просто неизбежной. Более того, само по себе активное употребление термина превращается в его же обоснование².

Парадокс ситуации заключается в том, что в античной мифологии Харон исполнял роль сурового бога смерти и не нуждался в монетах, а «древнегреческий похоронный обряд», к которому апеллируют авторы как к образцу «платы Харону», не предполагал никаких выплат Харону.

Использование термина «обол Харона» основывается на некритичном отношении к античным нарративным источникам. Классические тексты, созданные по своим внутренним законам и правилам, со своими стилистическими нюансами и риторическими топосами, воспринимаются специалистами как очевидный и универсальный аргумент.

Харон в этом контексте как персонаж рафинированной книжной античной мифологии рассматривается в отрыве от повседневных практик и фольклорных массовых представлений [Стельник, с. 334], а сама элитарная «высокая литература» воспринимается как единственный и непротиворечивый источник,

¹ Говоря об оболе, исследователи используют характерные безличные выражения: «обычно объясняется» [Калашник, с. 89], «принято называть» [Зубарь, 1982, с. 106] и т. д.

² «Устойчивое выражение "обол Харона" в литературе заставляет учитывать и роль этого персонажа в погребальном обряде» [Калашник, с. 89].

непосредственно и прямо раскрывающий историческую реальность, погребальный обряд в том числе³.

Самым цитируемым античным автором в археологической историографии является Аристофан и его комедия «Лягушки» [Сударев, Болдырев, с. 435; Зубарь, 2005, с. 126; 1982, с. 106; Калашник, с. 89, 91]. Эсхил и Еврипид, Лукиан, Страбон, Диодор Сицилийский играют вспомогательную роль в аргументации археологов. Сюжет переправы Диониса в Аид и платы двух оболов Харону, как он представлен Аристофаном [Ἀριστοφάνης κωμῳδία..., р. 327–328, 332], принимается как очевидное объяснение наличия монет в античных погребениях. Более того, сюжет становится описанием «древнегреческого погребального обряда». Это решающее доказательство.

Удивительно, но Аристофан не ставил своей целью описание погребального обряда или погребального инвентаря. Сам Харон и два оболы в тексте комедии выполняют литературную задачу, раскрыть которую возможно лишь изучив контекст, в котором это произведение писалось и ставилось на сцене афинского театра.

«Комическая логика» Аристофана (выражение М. Гриффита) [Griffith, р. 66] фиксирует не современные автору погребальные обычаи, а политическую и социальную ситуацию в Афинах в последние годы V в. до н. э. Харон в этом контексте имел не мифологический смысл [Ibid., р. 169], а являлся ярким символом кризисного состояния афинского полиса. Полис, по выражению комедиографа, оказался во «власти волн», а граждане и рабы теперь находятся «в одной лодке». Интересно, что описание этого кризиса проникнуто образной логикой элевсинских мистерий [Nelson, р. 265].

Вопрос о значении двух оболы в «Лягушках» Аристофана имеет свою историографию [Цымбал, с. 176–177]. Но, скорее всего, это шутка автора про инфляцию цен в Афинах после 413 г. до н. э. из-за сицилийской экспедиции Алкивиада [Alföldy-Găzdac, Găzdac, р. 289; Stevens, р. 216; Duchemin, р. 130; Stefanakis, р. 181; Grinder-Hansen, р. 208]. Хотя, возможно, автор комедии намекал зрителям на плату за вход в театр (и возможность влиять на жюри) [Nelson, р. 265] или на средний дневной заработок [Alföldy-Găzdac, Găzdac,

³ Критическое отношение к литературным источникам — частая тема в историографии. Так, К. Газдак и А. Алфёльду-Газдак, рассмотрев упоминания Харона у 55 греческих и римских авторов, пришли к выводу, что этот образ является «литературным инструментом», с помощью которого писатели (особенно римские) успешно занимались морализаторством [Alföldy-Găzdac, Găzdac, р. 293, 296]. Тема платы Харону, по их мнению, яркая аллегория тщетности накоплений и равенства всех, богатых и бедных, перед смертью [Ibid., р. 309–310]. О Хароне как «стилистическом инструменте» пишет Р. Терпенинг [Terpening, р. 244]. К. Гриндер-Хансен также рассматривает литературу как спорный источник при изучении погребальных обрядов и мифологии [Grinder-Hansen, р. 207]. Харон в тексте, по его мнению, — это просто литературная условность, а выводы, которые можно сделать из литературных доказательств, — ограничены [Ibid., р. 209]. Ж.-М. Дойен обращает внимание на то, что литературные свидетельства не могут дать достаточную информацию о Хароне [Doyen, р. III]. Критично к литературе относятся и Ж.-П. Дюшмон, а сам поиск простых аналогий между археологическими элементами и литературными свидетельствами считает устаревшим [Duchemin, р. 130].

р. 289], популистскую политику Клефона [Radcliffe, p. 129] или популярность в Средиземноморье афинской серебряной монеты [Ehrenberg, p. 140].

То есть буквальное значение сцены переправы Диониса для зрителей афинского театра не совпадает с буквальным пониманием этой сцены современными специалистами. Более того, современные исследователи в эту сцену вносят свою, заранее заданную «очевидность». Эта сконструированная «очевидность» лежит и в основе термина «обол Харона».

Популярность ссылок на литературные тексты во многом объясняется тем, что античная литература представляется исследователям единственным и очень удобным источником, позволяющим интерпретировать погребальный инвентарь и реконструировать погребальный обряд. Древнегреческий фольклор в расчет не принимается и никогда не рассматривается.

Универсальный литературный образ Харона-лодочника, с его ясной идеей платы за переправу⁴, оказывается очень удобным, но это удобство не имеет ничего общего с реальными повседневными представлениями о Хароне.

На наш взгляд, переход от противоречивого археологического материала к «простым» и «очевидным» литературным источникам не просто удобный исследовательский прием, а, используя терминологию И. Лакатоса, целая научная программа, которая имеет свои основания и методологию.

Ж.-М. Дойен в своей статье замечает, что современная методология изучения монет в могилах зачастую находится на уровне середины XIX в. [Doeyen, p. 6]. Автору представляется, что корни методологических подходов к «оболу Харона» лежат еще в филоэллинизме и романтизме XVIII–XIX вв.

Идеализация «великой греческой литературы», игнорирование методов герменевтики, некритичное отношение к тексту [Wohlleben, S. 11–12; North, p. 118], конструирование прекрасной, но поверхностной [Valdez, p. 5] метаисторической «греческой культуры»⁵ — все это элементы мировоззрения, свойственного эпохе И. И. Винкельмана, но, что неожиданно, не потерявшего привлекательности и для современных исследователей.

Научная традиция романтизма основана на характерных допущениях и ожиданиях⁶. В этом смысле исследователь априори исходит из идеологизированной картины античной культуры и ожидает соответствующих этой картине, заранее заданных результатов. Ожидание найти в погребении отголоски неверно понятых литературных текстов приводит к конструированию

⁴ К. Сурвину-Инвуд считает идею платы Харону (ναῦλον, πορθμεῖον), возникшую в текстах Каллимаха и Гесиодия, проявлением «утилитарной логики» [Sourvinou-Inwood, p. 315].

⁵ «Греческая культура» И. И. Винкельмана имеет явный утопический характер и скорее описывает настроения немецких интеллектуалов XVIII–XIX вв., а не культуру Древней Греции [North, p. 59].

⁶ В 1778 г. И. Гёте, посетив греческие храмы в Пестуме (Южная Италия), испытал шок и настоящее недоумение перед грубостью и общей «негреческостью» увиденного. Ожидаемый образ, созданный классической литературой, оказался никак не связан с реальностью. Для современных исследователей некритичная опора на литературные источники оборачивается позитивистским прочтением древнегреческой культуры, которая своей ясностью и упорядоченностью противостоит запутанной и сложной современности [Evangelista, p. 12].

идеологически важных, но содержательно пустых терминов, подобных «оболу Харона». Сопротивление археологического материала в этом случае легко преодолевается.

Подобная «филологическая археология» [Díaz-Andreu, p. 2] имеет свою идеологическую основу. Опираясь на элитарную литературную традицию (четко локализуемую в социальной структуре античного общества), исследователи исключают «народ» с его фольклорной культурой.

Более того, древнегреческая культура и ее сконструированный погребальный обряд превращаются в образец для соседних культур, который они «обречены» воспроизводить. Античная книжная мифология, в нашем случае литературная традиция о Хароне, становится нормативной и обязательной, в том числе и для китайской культуры [De Crussol, p. 323].

Такой же искусственной конструкцией, как литературный Харон и его обол, оказывается «древнегреческий погребальный обряд». При ближайшем рассмотрении похоронных обрядов оказывается много (как и стоящих за ними представлений о смерти и Аиде), с самыми разнообразными практиками использования монет (количеством, номиналом монет и их местоположением) [Doyen, p. 11]. К примеру, Ж.-П. Дюшмон не находит никакой системы в древнегреческих похоронных обрядах [Duchemin, p. 136]. По его мнению, различные группы населения в разных регионах в различном социальном контексте прибегали к различным «погребальным жестам» [Ibid., p. 132], что, по его мнению, ставит обряд положения монет(ы) Харону под сомнение [Ibid., p. 180]. Монета не могла иметь одного значения, в этом смысле термин «обол Харона», по словам исследователя, это «чрезмерное обобщение» [Ibid., p. 132]. Ж.-М. Дойен приходит к выводу, что представления и практика платы Харону не могли быть общегреческими [Doyen, p. 4].

Чрезвычайное региональное разнообразие погребальных обрядов и символики монет отмечали К. Хофманн и Р. Аттула [Hofmann, Attula, p. 260, 263]. У погребальной традиции, по их мнению, отсутствовал «стандарт», и многое в практике определяли индивидуальные или групповые предпочтения [Ibid., p. 263]. Скептическое отношение к универсальному обряду «обол Харона» высказывает и В. Фишер-Боссерт, для которого монета в погребении скорее являлась знаком социального превосходства покойного, а не платой Харону [Fischer-Bossert, σ. 128]. М. Стефанакис, изучая обряды похорон на эллинистическом Крите, пришел к выводу, что монета в могиле — это аристократический символ. Так как подавляющая часть населения не использовала монеты в погребальных обрядах, исследователь задается вопросом: может быть, низшие классы не верили в Харона? [Stefanakis, p. 186].

Монета оказывается всегда слишком многозначной. Она может означать связь мертвеца с торговлей [Köstner, S. 7], иметь магические функции [Németh, p. 55; Brown, p. 128], быть символом собственности [Grinder-Hansen, p. 215], но связь с Хароном всегда сомнительна. Наиболее четко по этому вопросу высказывается К. Гриндер-Хансен, который предлагает просто исключить термин «обол

Харона» из словаря археологов⁷. У монеты в погребении нет связи с Хароном [Grinder-Hansen, p. 214].

Грекоцентристская (а по сути, европоцентристская) идеология, скрывающаяся за термином «обол Харона», оказывала влияние и на методологию. Исследователи всеми силами искали универсалии (такие, как «обол Харона»).

При таком подходе действительно возможен лишь один, универсальный для всех слоев общества «общегреческий погребальный обряд», лишь одна интерпретация монеты, лишь одно прочтение письменного источника. Правильный ответ всегда один, так как историческая реальность обязана быть простой и очевидной.

Подобный исторический универсализм приводит к эволюционизму, который исходит из того, что нет культурного разнообразия, а все культуры стремятся к своему образцу — к Древней Греции. Это мир, где культуру распространяют греческие миграции (скажем, в Азию [Литвинский, с. 118]), а культурное развитие — это всегда диффузия эллинистических традиций.

Практика использования термина «обол Харона» в современном отечественном археологическом дискурсе носит спорный характер. Сам термин оказывается не связанным с античным образом Харона, а существует как концептуальное понятие, которое не отражает историческую реальность, а конструирует ее.

Это конструирование зачастую происходит в рамках «естественного романтического эллинизма» [Wallace, p. 5]. Проблемный характер носит и апеллирование специалистов к античным текстам как инструменту для подтверждения устоявшихся археологических схем. Несмотря на то, что нарратив всегда сложнее предметов (в нашем случае монет), именно нарратив, извлеченный из своего контекста и лишенный своего изначального смысла, становится удобным инструментом для аргументации.

На наш взгляд, термин «обол Харона» — это элемент порочного логического круга, разорвать который возможно лишь через процесс осознания неявных методологических предпосылок.

Источники

Cicero : in 28 vols. Vol. 19 : De natura deorum ; Academica / ed. H. Rackham. London : Harvard Univ. Press, 1951.

Ἀριστοφάνης κωμῳδίαи κωμῳδίων ἀποσπλάσματα = Aristophanis Comoediae et deperditarum fragmenta / ed. G. Dindorf. Paris : Firmin Didot, 1877.

Исследования

Завойкин А. А. Афина и Горгона Медуза в святилище «Береговой 4» // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245. С. 168–184.

⁷ «Вообще установлено, что имеется очень мало доказательств в пользу связи между мифом о Хароне и всеобщей практикой использования монет смерти. Поэтому следует выражение “плата Харону” изъять из словаря археологии и заменить его более корректным термином “монета смерти”» [Grinder-Hansen, p. 215].

- Зубарь М. В.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев : Наукова думка, 1982.
- Зубарь М. В.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев : Изд. дом «Стилос», 2005.
- Калашиник Ю. П.* Пантикапейские индикации // Фидития [Φειδίτια]. Памяти Юрия Викторовича Андреева / ред. Ю. А. Виноградов, М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. С. 85–99.
- Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М. : Наука, 1972.
- Мызгин К. В.* «Обол Харона» в погребальной традиции населения Черняховской культуры: а был ли? // «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» : тез. докл. и сообщ. III междунар. нумизматического симп. (Севастополь 29.08.–2.09.2014) / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь : Заповедник «Херсонес Таврический», 2014. С. 29–31.
- Стельник Е. В.* Харон или Харос? Языковые группы и культурные уровни в византийском обществе IX–XII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 6 (26). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.26>
- Сударев Н. И., Болдырев С. И.* «Обол Харона» как археологический термин // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / ред. В. Н. Зинько. Керчь : ИП Кифниди Георгий Иванович, 2009. Вып. X. С. 435–438.
- Цымбал О. Г.* Финансовые реформы в Афинах IV в. до н. э. (к проблеме кризиса греческого полиса) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Ярославль, 2015.
- Шмонеvский Б. III.* Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территорий (VI–VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 254–274.
- Alföldy-Gázdac Á., Gázdac C.* “Who pays the Ferryman?” The Testimony of Ancient Sources on the Myth of Charon // Klio. 1995. Vol. 95, Iss. 2. P. 285–314. <https://doi.org/10.1524/klio.2013.95.2.285>
- Brown L.* Charon’s Obols? A Case Study in the Role of Coins in Roman Burial Ritual // Theoretical Roman Archaeology Journal. 2007. P. 121–130. https://doi.org/10.16995/TRAC2007_121_130
- De Crussol F. T.* Obole a Charon et Rite Fanhan // Varia Archaeologica Hungarica. 2000. No. IX (Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.–7. Jh.). P. 323–329.
- De Schutter X.* Rituel funéraire et coût des obsèques en Grèce classique // Kernos. 1989. No. 2. P. 53–56. <https://doi.org/10.4000/kernos.234>
- Díaz-Andreu M. A.* World History of Nineteenth-Century Archaeology: Nationalism, Colonialism, and the Past. New York : Oxford Univ. Press, 2007. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199217175.001.0001>
- Doyen J.-M.* The “Charon’s obol”: Some Methodological Reflexions // Journal of Archaeological Numismatics. 2012. Vol. 2. P. I–XVIII.
- Duchemin J.-P.* Numismatique et Archéologie du Rituel: Réflexion sur le Rite dit de l’“Obole a Charon” a Partir de l’exemple de la Nécropole Tardo-Antique de Nempontsaint-Firmin (Pas-De-Calais, France) // Journal of Archaeological Numismatics. 2012. Vol. 2. P. 127–198.
- Ehrenberg V.* The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy. New York : Schocken Books, 1962. <https://doi.org/10.4324/9780203799000>
- Evangelista S.* British Aestheticism and Ancient Greece: Hellenism, Reception, Gods in Exile. New York : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.2979/vic.2010.52.3.474>
- Fischer-Bossert W.* Goldene Charonsgröschchen // Κερμάτια φιλίας. Τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου / Συν. Σ. Δρούγου, Δ. Ευγενίδου, Χ. Κριτζάς και άλλοι. Athen : Ministry of Culture, Numismatic Museum, 2009. T. A: Νομισματική-Σφραγιστική. Σ. 117–125.
- Griffith M.* Aristophanes’ Frogs. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013.
- Grinder-Hansen K.* Charon’s Fee in Ancient Greece. Some Remarks on a Well-Known Death Rite // Acta Hyperborea: Danish Studies in Classical Archaeology. 1991. No. 3 (Recent Danish Research in Classical Archaeology — Tradition and Renewal). P. 207–218.

Hofmann K., Attula R. Funerary Spatial Concepts and Spatial Practices in Southeastern Sicily during the Eighth to Fifth Centuries BCE // *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece. Manipulating Material Culture* / ed. by L. C. Nevett. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2017. P. 249–272.

Köstner E. Münzen, Lampen, Balsamarien — ihre Rolle im römischen und im provinziäl-römischen (treverischen) Bestattungsritus // *Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde*. 2011. No. 15. S. 1–14. <https://doi.org/10.21248/fera.15.51>

Nelson S. Aristophanes and his Tragic Muse: Comedy, Tragedy, and the Polis in 5th Century Athens. Leiden : Brill, 2016. <https://doi.org/10.1163/9789004310919>

Németh G. Coins in Water // *Acta Classica Univ. Scient. Debrecen*. 2013. XLIX. P. 55–63.

North J. H. Winckelmann’s “Philosophy of Art”: A Prelude to German Classicism. Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2012.

Radcliffe G. E. III. Myths of the Underworld Journey Plato, Aristophanes, and the ‘Orphic’ Gold Tablets. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. https://doi.org/10.17104/0017-1417_2007_4_294

Sartori P. Die Totenmünze // *Archiv für Religionswissenschaft*. Vaduz : Kraus Reprint Ltd, 1965. Bd. 2, Heft 1/2. S. 205–225.

Sourvinou-Inwood C. Reading Greek Death. To the End of the Classical Period. Oxford : Clarendon Press, 1996.

Stefanakis M. I. An Inexpensive Ride? A Contribution to Death-Coin Rites in Hellenistic Crete // *Numismatica e Antichita Classiche*. 2002. Vol. XXXI. P. 171–189.

Stevens S. T. Charon’s Obol and the other Coins in Ancient Funerary Practice // *Phoenix*. 1991. Vol. 45, No 3. P. 215–229. <https://doi.org/10.2307/1088792>

Terpening R. H. Charon and the Crossing: Ancient, Medieval and Renaissance Transformations of a Myth. Toronto : Associated Univ. Presses, 1985.

Valdez D. German Philhellenism: The Pathos of the Historical Imagination from Winckelmann to Goethe. New York : Springer, 2014. <https://doi.org/10.1057/9781137293152>

Wallace J. Shelley and Greece: Rethinking Romantic Hellenism. New York : Palgrave Macmillan, 1997.

Wohlleben J. Die Sonne Homers: Zehn Kapitel deutscher Homer-Begeisterung von Winckelmann bis Schliemann. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.

References

Alföldy-Gázdac, Á., & Gázdac, C. (1995). “Who pays the Ferryman?” The Testimony of Ancient Sources on the Myth of Charon. *Klio*, 95(2), 285–314. <https://doi.org/10.1524/klio.2013.95.2.285>

Brown, L. (2007). Charon’s Obols? A Case Study in the Role of Coins in Roman Burial Ritual. *Theoretical Roman Archaeology Journal*, 121–130. https://doi.org/10.16995/TRAC2007_121_130

De Crussol, F. T. (2000). Obole a Charon et Rite Fanhan. *Varia Archaeologica Hungarica*, IX (*Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.-7. Jh.*), 323–329.

De Schutter, X. (1998). Rituel funéraire et coût des obsèques en Grèce Classique. *Kernos*, 2, 53–56. <https://doi.org/10.4000/kernos.234>

Díaz-Andreu, M. A. (2007). *World History of Nineteenth-Century Archaeology: Nationalism, Colonialism, and the Past*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199217175.001.0001>

Doyen, J.-M. (2012). The “Charon’s obol”: Some Methodological Reflexions. *Journal of Archaeological Numismatics*, 2, 1–XVIII.

Duchemin, J.-P. (2012). Numismatique et Archéologie du Rituel: Réflexion sur le Rite dit de l’“Obole a Charon” a Partir de l’exemple de la Nécropole Tardo-Antique de Nempontsaint-Firmin (Pas-De-Calais, France). *Journal of Archaeological Numismatics*, 2, 127–198.

Ehrenberg, V. (1962). *The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy*. New York: Schocken Books. <https://doi.org/10.4324/9780203799000>

Evangelista, S. (2009). *British Aestheticism and Ancient Greece: Hellenism, Reception, Gods in Exile*. New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.2979/vic.2010.52.3.474>

Fischer-Bossert, W. (2009). Goldene Charonsgröschen. In Σ. Δρούγου, Δ. Ευγενίδου, Χ. Κριτζάς και άλλοι (Ed.), *Κερμάτια φιλίας. Τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου* (Τ. Α: Νομισματική-Σφραγιστική, pp. 117–125). Athens: Ministry of Culture, Numismatic Museum.

Griffith, M. (2003). *Aristophanes' Frogs*. Oxford: Oxford University Press.

Grinder-Hansen, K. (1991). Charon's Fee in Ancient Greece. Some Remarks on a Well-Known Death Rite. *Acta Hyperborea: Danish Studies in Classical Archaeology*, 3 (*Recent Danish Research in Classical Archaeology — Tradition and Renewal*), 207–218.

Hofmann, K., & Attula, R. (2017). Funerary Spatial Concepts and Spatial Practices in Southeastern Sicily during the Eighth to Fifth Centuries BCE. In L. C. Nevett (Ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece. Manipulating Material Culture* (pp. 249–272). Ann Arbor: University of Michigan Press.

Kalashnik, Yu. P. (2013). Pantikapeiskie indikatsii [Panticapaeon Indications]. In Yu. A. Vinogradov, M. Yu. Vakhtina, & V. A. Goroncharovsky (Eds.), *Φειδιτία. Pamiati Yuriia Viktorovicha Andreyeva* [Pheiditia. In Memory of Yuri Viktorovich Andreev] (pp. 85–99). St Petersburg: Dmitry Bulanin.

Köstner, E. (2011). Münzen, Lampen, Balsamarien — ihre Rolle im römischen und im provinzialrömischen (treverischen) Bestattungsritus. *Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde*, 15, 1–14. <https://doi.org/10.21248/fera.15.51>

Litvinsky, B. A. (1972). *Kurgany i kurumy Zapadnoi Fergany* (Raskopki. Pogrebal'nyi obriad v svete etnografii) [Mounds and Kurum of West Fergana (Excavations. Funerary Ceremony in the Light of Ethnography)]. Moscow: Nauka.

Myzgin, K. V. (2014). “Obol Charona” v pogrebal'noi traditsii naseleniia Cherniakhovskoi kul'tury: a byl li? [“Charon's Obol” in the Funerary Tradition of the Population of Chernyakhov Culture: Did it Exist?]. In N. A. Alekseenko (Ed.), “*PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka*”: *tezisy dokladov i soobshchenii III mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma (Sevastopol' 29.08.-2.09.2014)* [“PriPONTiysky Exchanger: Money of the Local Market”. Abstracts of Reports and Communications of the III International Numismatic Symposium] (pp. 29–31). Sevastopol: Zapovednik “Khersones Tavricheskiy”.

Nelson, S. (2016). *Aristophanes and his Tragic Muse: Comedy, Tragedy and the Polis in 5th Century Athens*. Leiden: Brill. <https://doi.org/10.1163/9789004310919>

Németh, G. (2013). Coins in Water. *Acta Classica Univ. Scient. Debrecen*, XLIX, 55–63.

North, J. H. (2012). *Winckelmann's “Philosophy of Art”: A Prelude to German Classicism*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Radcliffe, G. E. III. (2004). *Myths of the Underworld Journey Plato, Aristophanes, and the ‘Orphic’ Gold Tablets*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.17104/0017-1417_2007_4_294

Sartori, P. (1965). Die Totenmünze. *Archiv für Religionswissenschaft* (Vol. 2, Iss. 1/2, pp. 205–225). Vaduz: Kraus Reprint Ltd.

Shmonevsky, B. SH. (2016). Vizantijskaia moneta i ee podrazhaniia (moneta mertvykh) na primere nakhodok iz pogrebenij Avarskogo kaganata, na Shelkovom puti i privilegiiushchikh territorij (VI–VIII vv.) [Byzantine Coins and Their Imitations (Coin of the Dead) with Reference to the Finds from the Burials of Avar Khaganate, on the Silk Road and Adjacent Territories (6th–8th Centuries)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii*, 244, 254–274.

Sourvinou-Inwood, C. (1996). *Reading Greek Death. To the End of the Classical Period*. Oxford: Clarendon Press.

Stefanakakis, M. I. (2002). An Inexpensive Ride? A Contribution to Death-Coin Rites in Hellenistic Crete. *Numismatica e Antichita Classiche*, XXXI, 171–189.

Stelnik, E. V. (2019). Charon ili Charos? Iazykovye sloi i sotsial'nye gruppy v vizantijskom obshchestve [Charon or Charos? Language Groups and Cultural Levels in the Byzantine Society

of the 9th–12th Centuries]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relationships*, 6 (26), 331–335. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.26>

Stevens, S. T. (1991). Charon’s Obol and the other Coins in Ancient Funerary Practice. *Phoenix*, 45(3), 215–229. <https://doi.org/10.2307/1088792>

Sudarev, N. I., & Boldyrev, S. I. (2009). “Obol Charona” kak arkhеologicheskij termin [“Charon’s Obol” as an Archaeological Term]. In V. N. Zin’ko (Ed.), *Bosporskie chteniia. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov’ia. Aktual’nye problemy* [Bosporus Readings. Bosporus Cimmerian and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Relevant Issues] (Vol. X, pp. 435–438). Kerch: IP Kifnidi Georgiy Ivanovich.

Terpening, R. H. (1985). *Charon and the Crossing: Ancient, Medieval and Renaissance Transformations of a Myth*. Toronto: Associated University Presses.

Tsymbal, O. G. (2015). *Finansovye reformy v Afinakh IV v. do n. e. (k probleme krizisa grecheskogo polisa)* [Financial Reforms in Athens in 4th Century BC (On the Crisis of the Greek Polis)] (doctoral dissertation). Yaroslavl.

Valdez, D. (2014). *German Philhellenism: The Pathos of the Historical Imagination from Winckelmann to Goethe*. New York: Springer. <https://doi.org/10.1057/9781137293152>

Wallace, J. (1997). *Shelley and Greece: Rethinking Romantic Hellenism*. New York: Palgrave Macmillan.

Wohlleben, J. (1990). *Die Sonne Homers: Zehn Kapitel deutscher Homer-Begeisterung von Winckelmann bis Schliemann*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Zavoykin, A. A. (2016). Afina i Gorgona Meduza v sviatilishche “Beregovoy 4” [Athena and Medusa in the “Coast 4” Sanctuary]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 245, 168–184.

Zubar’, M. V. (1982). *Nekropol’ Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e.* [Necropolis of Chersonesos of the Tauric 1st–4th cc. AD]. Kiev: Naukova dumka.

Zubar’, M. V. (2005). *Bogi i geroi antichnogo Khersonesa* [Gods and Heroes of Ancient Chersonesos]. Kiev: Stilos.

Стельник Евгений Викторович

кандидат исторических наук
доцент кафедры сервиса и туризма
Волгоградский государственный
университет
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: analitika@volsu.ru

Stelnik, Evgeny Viktorovich

PhD (History), Senior Lecturer
Department of Service and Tourism
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave., 400062 Volgograd,
Russia
Email: analitika@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>
ResearcherID: A-8488-2018